

Всего 3 % приходится на функцию воздействия: «А лансье? – продолжала дразнить его Лидия. – *Laissez donc, Lidie, vous etes impossible*, – строго заметила Татьяна Аркадьевна» [3, с. 390]. Французский язык был официальным языком дворянских, аристократических кругов. В приведенном выше примере мама взывает к манерам дочери, и просит ее прекратить досаждать молодому человеку.

Фатическая функция занимает последнее место по частоте распространения: « – Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть... – Que désire monsieur? – спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись. – Эх беда, ты, мусье, по-русски еще не выучился. *Же ве, муа, ше ву куше*, понимаешь ли?» [5, с. 119]. Антон Пафнутьич, полагая, что разговаривает с французом, для поддержания контакта с собеседником, переключается на французский язык.

Итак, переключения по ведущим функциям можно разделить на две группы: ПК для создания эффекта коммуникации на гостевом языке и ПК, отражающие речь персонажей и авторов. Первая группа переключений кодов связана с художественной функцией произведения, поскольку служит созданию его образности. Данная функция была обнаружена у всех представленных авторов. Ко второй группе относятся функции, которые используются и в устной коммуникации. В этом случае прагматические функции распределены неодинаково. В произведениях А.С. Пушкина встречаются почти все (за исключением эзотерической и металингвистической) выявленные функции, но наиболее широко распространены предметно-тематическая, декоративная и адресатная. Стоит отметить, что предметно-тематическая и адресатная функции представлены во всех анализируемых произведениях (за исключением М.А. Булгакова). В текстах И.С. Тургенева и А.И. Куприна (кроме адресатной) частотной является функция воздейст-

вия, в то время как в повестях М.А. Булгакова преобладает эзотерическая функция. В творчестве И.А. Бунина ПК в большинстве своем выполняют фатическую функцию. У А.П. Чехова наиболее яркие примеры связаны с эмфатической функцией. Юмористическая и предметно-тематическая функции являются ведущими в книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Таким образом, можно сделать вывод, что кодовые переключения подчеркивают особенности стиля различных авторов.

Литература

1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита: Роман; Собаچه сердце: Повесть / Вступ. ст. и коммент. Б. Соколова. – М., 2006.
2. Ильф, И. Одноэтажная Америка / И. Ильф, Е. Петров. – М., 2008.
3. Куприн, А.И. Поединок: Роман; Повести и рассказы / А.И. Куприн. – М., 2006.
4. Мишинцева, И.Ю. Прагматика речи билингвального персонажа: (на материале высказываний Эркулё Пуаро) / И.Ю. Мишинцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13. – С. 99 – 103.
5. Пушкин, А.С. Романы и повести. Путешествия / А.С. Пушкин. – М., 1994.
6. Чехов, А.П. Повести и рассказы / А.П. Чехов. – М., 2007.
7. Чиршева, Г.Н. Двухязычная коммуникация / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2004.
8. Чиршева, Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2008. – № 6. – С. 63 – 79.
9. Чиршева, Г.Н. Кодовые переключения студентов: взаимодействие структурного и прагматического аспектов / Г.Н. Чиршева // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Психоллингвистика. – СПб., 2009. – С. 44 – 46.

УДК 811-11

Г.Т. Безкоровая

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
проректор по международным связям СГАСУ Е.Г. Вышкин

ПОНЯТИЕ «ДЖЕНТЛЬМЕН» В АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

В настоящей статье анализируются история и функционирование английского концепта 'gentleman'. Это слово номинирует важное понятие английской языковой картины мира (далее – ЯКМ), в процессе эволюции наполняется дополнительными смыслами, становится важнейшим компонентом «английскости». Данное понятие анализируется на материале английской литературы викторианского периода. Проводится сопоставление с французским языком.

Концепт «джентльмен», лингвокультура, понятие «благородство», викторианство.

The article deals with the concept *gentleman*, meaning born in noble family, its history, function, and semantics. The word *gentleman* borrowed from French has become a very important element of Englishness. The analysis is done on the material of the Victorian English writers' works. The comparison with French is done too.

Concept *gentleman*, lingvoculture, notion *gentleness*, Victorian era.

В современной лингвистике наблюдается острый интерес к явлениям культуры того или иного народа и отражению социально-культурных явлений в языке, ведь взаимосвязь языков и культур чрезвычайно важна для успешной коммуникации. Как подчеркивает С.Г. Тер-Минасова, «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое..., соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [5, с. 4]. Именно поэтому исследование специфики языковой единицы с изначально общей семантикой и приобретение ею особенностей, порождаемых характерными чертами национального понятия или явления, представляется весьма важным и интересным.

Дискуссии о благородстве, использовании различных титулов и принципов номинирования благородства можно обнаружить в целом ряде работ английских авторов позднего Средневековья и Возрождения. Достаточно упомянуть знаменитые произведения Томаса Элиота "The Book of Governour" (1531), Томаса Смита "De Republicis Anglorum" (1583), Пичема "Compleat Gentleman" (1634), в которых обсуждаются качества джентльмена [13], [17], [21]. Взаимосвязь и различия в понимании благородства в английской и французской лингвокультурах становились также предметом исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей [2], [11], [12], [14]. В то же время в лингвистической науке отсутствуют специальные исследования этого концепта, а западные ученые обращались к нему большей частью в рамках социокультурологии и литературоведения, уделяя внимание бытованию данного концепта исключительно в синхронии в XIX и XX столетиях [8], [9], [12], [14].

Однако рассмотрение такого понятия в лингвокультурах Англии и Франции еще раз показывает, что в разных этносах объем некоторых понятий неодинаков. Национальное своеобразие английской ЯКМ сфокусировано в современном термине *Englishness* – *английскость* [10]. В английском языке концепт "*gentleman*", вероятно, наиболее значительный носитель «английскости», именно в нем едва ли не ярче всего проявляется национальная специфика английской культуры [1, с. 28].

Историки и культурологи, занимающиеся изучением формирования и развития дворянства во Франции и Англии, отмечают значительное сходство историко-социальных характеристик этих сословий вплоть до XVII столетия. Аналогичным образом происходит эволюция слов "*gentilhomme*" и "*gentleman*", определяющих соответственно представителей французского и английского дворянства. Как известно, корни этих понятий уходят в античную и средневековую традицию. Первоначально во

французском языке возникает слово "*gentil*", которое, в свою очередь, образуется на основе латинского понятия "*gentilis*", обозначающего свободнорожденного человека, имеющего гражданские права, в отличие от раба. Слово "*gentiles*" было объединяющим для "*nobilissimi*" (самых знатных), "*nobiliores*" (весьма знатных) и "*nobiles*" (людей «рядовой» знатности). В период распада Римской империи выражение *gentiles homines* применяется по отношению к завоевателям, и на этой основе в языке самих варварских народов возникли варианты *gentils hommes* (франц.), *gentils hommes* (исп.), "*gentil men*" (англ.). Этими словами обозначали людей «из хорошей семьи», «благородного происхождения».

Основой для появления понятия джентльменства и в Англии, и во Франции было средневековое рыцарство. Рыцарство, дворянство, джентльменство – ценностные образцы для подражания в средневековом обществе, а высшие проявления доблестных черт определяли принадлежность к этим слоям общества. При этом «благородное происхождение было необходимым условием благородства...» [4, с. 40].

Во Франции формирование лексического значения слова "*gentilhomme*" заканчивается к 1400 г., когда были определены основные группы благородного (*noble*) сословия в период Средневековья: *seigneurs chateleins*, *barons*, *sires*, *chevaliers* – и *simples gentilshommes*. Все они были землевладельцами, живущими в различных французских провинциях. Кроме того, существовала особая группа *gentilshommes de ville*: эти люди «часто были очень близки буржуа по образу жизни и занятиям, но юридически четко отделялись от них», «социокультурные условия развития французского дворянства вели «к признанию сущностного единства понятия благородства, как качества, распространенного в равной мере на всех дворян... вне зависимости от существующих между ними социальных различий, и, таким образом, не создавало барьера на английский манер между аристократией и джентри» [6, с. 27]. Французская феодальная аристократия, таким образом, была практически независима от королевской власти, дворянство покоилось, в первую очередь, на рождении (ср., напр., суждение: "*le prince fait des nobles, mais le sang fait des gentilshommes*") [16]. Слово "*gentilhomme*" отныне прочно связывается с принадлежностью к дворянству, с высоким происхождением.

Для обозначения наиболее общего качества благородства во Франции все чаще начинает использоваться не слово "*gentillesse*" (прежде всего обозначающее совокупность высокородных лиц, а позднее – любезность, приветливость), а "*noblesse*" – слово, связывающее воедино знатность по рождению и

нравственное благородство. В силу этого к началу XIX в. во Франции фиксируется выражение “*noblesse oblige*”, переводимое на русский как «положение обязывает». Именно оно концентрирует в себе значение достоинства, чести, благородного поведения, соответствующего почетному положению в обществе, хорошей репутации.

Иначе обстояло дело в Англии, где аристократия появилась вследствие того, что Гийом Завоеватель наделил титулами свою норманнскую армию после воцарения на острове (1066 – 1070). В сравнении с французским понятием “*noblesse*”, относящимся к дворянскому сословию, понятие *gentry*, *gentility* (от старофранц. *genterise*, *gentelise*) было более размыто и обозначало людей, не занимающихся ручным трудом (не обязательно аристократов). Вплоть до XIV в. слова *gentle*, *gentility* могли выступать синонимами *nobility*: так, герцог Норфолк был приговорен в 1399 г. к казни за измену своему сословному положению – *gentilhomme*. Отдельного от *nobility* сословия *gentlemen* в Средние века не существовало. С 1414 г. в судебных реестрах Англии слово «джентльмен» использовалось для обозначения младшего сына дворянина-землевладельца, который не мог становиться наследником своего отца, поскольку существовал принцип единонаследия.

Вот почему, когда в конце XVI в. в английском обществе окончательно установилась дифференциация дворянских титулов, человек, принадлежащий к *gentry* (земельному дворянству), оказался ниже, чем эсквайр, кавалер, баронет, барон, виконт, граф, маркиз или герцог. Это обстоятельство парадоксальным образом способствовало пониманию того, что благородство происхождения облегчает возможность приобретения нравственного благородства, но не автоматически обеспечивает его, что дворянство и джентльменство – не одно и то же, что король может пожаловать дворянский титул, однако «не может сделать джентльменом» – и смысл этого выражения противоположен французскому «государь производит во дворянство, но только кровь делает дворянина родовитым». Слово “*gentleman*” к XVIII столетию в большой степени отрывается от идеи высокого происхождения, приобретая значение этической характеристики. Как пишет в 1749 г. Рапен де Туайра, «в Англии титул джентльмена дают бесчисленному количеству людей весьма среднего происхождения, которые во Франции не имели бы права именоваться *gentilhomme*» [18, с. 105].

При обращении к словарным толкованиям лексем можно обнаружить сходство основного значения, связанного с благородным рождением. Так, в английском The Oxford English Dictionary первое из определений в статье *gentleman* – «человек знатного рождения или тот, у кого есть тот же геральдический статус, что и у рожденных знатными; часто тот, кто имеет право носить оружие, хотя и не занимает место в ранге знати...; применимо к человеку, который выделяется (отличается от других) без специального определения его статуса. Сейчас – историческое»

(здесь и далее перевод мой – Г.Б.) [22]. Во французском толковом словаре “Le Dictionnaire vivant de la langue française” [16] первым стоит следующее определение: «Человек, благородного рождения. «Необходимость быть дворянином, чтобы стать капитаном корабля, столь же разумна, как необходимость быть королевским секретарем, чтобы стать матросом или юнгой» (Шамфор, Максими и мысли, 1794)...» [7, с. 76].

Хотя в сравнении с французским понятием “*noblesse*”, относящимся к дворянскому сословию, понятие *gentry*, *gentility* (от старофранц. *genterise*, *gentelise*) было более размыто, обозначало людей, не занимающихся ручным трудом (не обязательно аристократов) [3, с. 99 – 104].

Современная форма слова *gentleman* была впервые употреблена в 1413 г. Как отмечает Дж. Ситвел: «мы начали встречать записи, в которых были земледельцы, йомены, а иногда и джентльмены, но значительно позднее эта мода называть себя джентльмен вошла в общее употребление» [20, с. 73].

Следует подчеркнуть, что практически с самого начала в понятие «джентльменство» и его носителя – «джентльмена» – входило не только достойное происхождение, но и достойное поведение. Еще в трактатах XII в. подчеркивалось, что настоящее *nobility* не дается благородными предками, а требует этического благородства.

В викторианскую эпоху понятие, а соответственно и лексема, “*gentleman*”, интенсивно используется. Интересно проследить, как она представлена в произведениях писателей этого периода. В отличие от достаточно последовательной и линейной эволюции словарных значений, от условного идеализированного канона джентльменства, трансформация семантики концепта “*gentleman*” в романах Диккенса, Теккерея, Тrolлопа и других викторианцев связана с усилением амбивалентности лингвокультурного типажа, представляющего собой одновременно и объект для подражания, (образец жизненного поведения), и объект сатирического разоблачения, осмеяния. Подобная двойственность концепта, не зафиксированная в словарях, стала, тем не менее, реалией социокультурной жизни и лингвокультурной практики XIX в. Авторская интенция и его мировоззрение определенным образом воздействует на акцентирование того или иного оттенка значения концепта в рамках художественного текста.

Любопытные результаты дает в этом смысле сопоставление использования концепта “*gentleman*” в текстах Ч. Диккенса и У. Теккерея. Теккерей, принадлежавший к джентльменскому кругу, сатирически высмеивает снобизм джентльменов в «Книге снобов». В «Ярмарке тщеславия» автор рисует не только совершенного джентльмена – терпеливого, воспитанного, сдержанного, но глубоко чувствующего и страдающего от неразделенной любви Вильяма Доббина. Теккерей также создает образ аморального джентльмена лорда Стенли, который по существу ведет себя не по-джентльменски, при этом

неоднократно подчеркивает свою принадлежность к джентльменскому слою и формально к нему принадлежит. Писатель демократизирует концепт истинного джентльмена, поскольку уверен, что человек любого класса может быть джентльменом, если соответствует высоким критериям поведения. Перенос акцента значения концепта “*gentleman*” в соответствии со стандартами среднего класса, произведенное Теккереем, было важным фактором его популярности у читателей викторианской эпохи. С другой стороны, писатель понимал, что существует достаточно много людей, называющих себя джентльменами, но ориентирующимися при этом на внешние признаки высородства, участвующие в «ярмарке тщеты».

В отличие от У. Теккерея, Ч. Диккенс не происходил из семьи джентльменов, и некоторые критики-современники писателя даже полагали, что в силу этого писателю не удалось в своих романах показать настоящего джентльмена. Однако отношение Диккенса к джентльменству как социальному статусу было более традиционным, включало и благородное происхождение. Добрые, чудаковатые джентльмены – важная группа диккенсовских персонажей от «Посмертных записок Пиквикского клуба» до «Дэвида Копперфильда». Так, в «Жизни и приключениях Николаса Никльби» важнейший поворот в судьбе главного героя связан с его встречей с добродетельным, порядочным и богатым джентльменом. Диккенс не проходит мимо сатирических типов «мнимых джентльменов», культивирующих только внешние атрибуты джентльменства, однако писатель не был склонен к однозначному разведению внешнего и внутреннего джентльменства, к отказу от важной роли происхождения в этом этико-социальном комплексе. Особое место занимает в контексте данной проблематики поздний роман Диккенса «Большие надежды» (*Great Expectations*), который специалисты считают романом воспитания. Главное жизненное стремление юного Пипа-Диккенса было связано с жаждой стать джентльменом. Герой понимает, что джентльменства не добиваются деньгами, что оно, как ни печально осознавать, является врожденным. Однако Диккенс, в итоге, никак не предаст свои демократические идеалы: его Пип не только разочаровывается в возможности стать истинным джентльменом, но и в поставленной им некогда цели, поскольку осознает, что в погоне за ней он утратил, быть может, более важные ценности жизни. «Идеальный джентльмен» в системе взглядов Диккенса оказывается менее значительной ценностью, чем просто «честный и добрый человек», и такая позиция автора превращает его творчество не только в воплощение «английскости», но и в концентрированное выражение универсального гуманизма.

Сравнивая эволюцию английского “*gentleman*” с французским “*gentilhomme*”, обнаружим, что во Франции связь слова с сословным положением и происхождением остается неизменной и в XIX в. Всем известно название пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» (*Bourgeois gentilhomme*, 1670), менее

популярны, но показательны для лингвокультурной истории рассматриваемого слова роман Поля де Мольера (1821 – 1862) «Вальпери, мемуары дворянина прошлого века» (1845, *Valpéri, mémoires d'un gentilhomme du siècle dernier*) или неоконченный роман Октава Мирбо (1848 – 1917) «Дворянин» (*Un gentilhomme*, 1877, опубликован только в 1920). Неизменно французское “*gentilhomme*” значит дворянин, а не *благородный* в переносном смысле. Одновременно развивается идея культурной дифференциации между обеими странами, сконцентрированной в смысловом различии между *gentleman* и *gentilhomme*. «*Gentleman* и *gentilhomme* имеют явно общее происхождение, но джентльмен применяется в Великобритании ко всякому хорошо воспитанному человеку независимо от его происхождения, тогда как во Франции жантийомом называют только того, кто благороден по рождению. Значение этих двух слов, имеющих общее происхождение, стало столь различным вследствие общественного состояния двух народов, что сегодня они абсолютно неперево-димы, по крайней мере если не прибегать к длинной перифразе» [23, с. 18]. В период актуализации английского концепта «джентльмен», который приходится на XIX в., слово “*gentleman*”, некогда возникшее на основе заимствования из старофранцузского, возвращается во Францию в его английском облики, однако используется в ином значении – насмешливо-иронически, в сочетаниях, соответствующих русскому выражению «джентльмен удачи». В частности, популярный сборник новелл Мориса Леблана (1864 – 1941) о благородном грабителе носит название «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель» (*Arsène Lupin, gentleman-cambrioleur*, 1907).

Проведенный анализ показал, что лексемы “*gentleman*” и “*gentilhomme*” по-разному используются в английской и французской лингвокультурах. В английской и французской лингвокультурных концептах “*gentleman*” как структурная единица английской ЯКМ, являет собой неоднозначное и «живое» понятие: оно эволюционирует, расширяет семантику, обрастает коннотациями, коррелируя с развивающимся и переживающим метаморфозы контекстом национальной культуры Англии, воплощая движение от содержания культуры к формам языка и встречного движения от языковых форм к культурным смыслам и функциям. Во французском языке для обозначения благородного человека стала широко использоваться лексема *noblesse*. По-разному представлены данные лексемы и в художественных текстах. Викторианская эпоха в английской литературе наполнена образами английских джентльменов – истинно благородных, воспитанных, великодушных – или мнимых, лишь внешне соответствующих кодексу *gentleness*, тогда как во французской *gentleman* использован для иронического обозначения «благородного грабителя», преступника «с манерами». В период, когда в Англии окончательно складывается концепт “*gentleman*”, во Франции *gentilhomme* окончательно

укрепляется как сословное обозначение, а английский аналог используется иронически.

Литература

1. Зброжек, Е.В. Викторианство в контексте культуры повседневности / Е.В. Зброжек // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 11. – С. 28 – 44.
2. Ивицкая, О.Д. К вопросу о национальной языковой личности и различиях в номинативных картинах мира (на примере Великобритании) / О.Д. Ивицкая // Метод активизации возможностей личности и коллектива: 25 лет спустя. – М., 2000. – С. 122 – 142.
3. Киселева, Т.Ю. О национально-культурной специфике языковой картины мира / Т.Ю. Киселева // Проблемы межкультурной коммуникации. – Пермь, 1999. – С. 99 – 104.
4. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. / М. Оссовская. – М., 1987.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000.
6. Уваров, П.Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма / П.Ю. Уваров // Французский ежегодник. – М., 2001. – С. 7 – 13.
7. Шамфор Максимилиан и мысли / Шамфор. – М., 1966.
8. Berberich, Chr. The Image of English gentleman in Twentieth-Century Literature / Chr. Berberich. – Oxford, 2007.
9. Castronovo, D. The English Gentleman: Image and Ideas in Literature and Society / D. Castronovo. – N.Y., 1987.

10. Contamine, Ph. Noblesse française, nobility et gentry anglaises à la fin du Moyen Age / Ph. Contamine // Cahiers de recherches médiévales. – 2006. – № 13. – P. 15 – 18.

11. Dictionnaire de Academie francaise. – URL: <http://humanities.uchicago.edu/ARTFL/projects/academie/1798.searchform.html>

12. Easthope, A. Englishness and National Culture / A. Easthope. – London, 1998.

13. Elyot, T. The Book Named the Governor / T. Elyot // Renaissance literature: An anthology / Ed. By Payne, Hunter J. – L., 2003. – P. 46 – 52.

14. Gilmore, R. The Idea of the Gentleman in the Victorian novel / R. Gilmore. – London ; Boston, 1981.

15. Harisson, W. Description of England / W. Harisson. – URL: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html>

16. Le Dictionnaire vivant de la langue française. – URL: <http://dvlf.uchicago.edu/>

17. Peacham, H. The Compleat Gentleman / Henry Peacham. – Oxford, 1906. – reprint of the 1634 edition. Ch. XII.

18. Rapin de Thoyras, P. Histoire d'Angleterre / Rapin de Thoyras P. – La Haye, 1749. – V. 1. – P. 505.

19. Reviron-Piégay, F. Englishness Revisited / F. Reviron-Piégay. – Cambridge, 2009.

20. Sitwell, G. The English Gentleman / G. Sitwell // The Ancestor. I. April, 1902. – P. 73.

21. Smith, T. De Republica Anglorum / T. Smith. – L., 1583. – Chap. 20. – P. 70. – URL: <http://www.constitution.org/eng/repang.htm>

22. The Oxford English Dictionary. – Oxford, 1933.

23. Tocqueville, A.De. Voyages en Angleterre en Irlande (1833) / A.De. Tocqueville. – P., 1967.

УДК 811.161.1

С.А. Ганичева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ-ЗООФОНОВ В КОНТЕКСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАРТ

В статье рассматривается отражение структурных особенностей глаголов-зоофонов на лингвистических картах русского языка, включенных в опубликованные диалектологические атласы. Автор описывает, как передается на картах глаголов-зоофонов фонематическое варьирование корней, какие типы карт можно выделить в зависимости от характера отражения на них морфемной структуры слов.

Лингвистическая карта, глаголы-зоофоны, корневые и аффиксальные морфемы, морфемная структура, фонематическое варьирование.

The article considers the reflection of structural features of verbs meaning animals' and birds' vocalizations on the linguistic maps of the Russian language. The author describes how the phonemic variation of roots is reflected on the maps, what kinds of maps can be distinguished depending on the way of reflection of the morphemic structure of words.

Linguistic map, verbs meaning animals' and birds' vocalizations, roots and affixes, morphemic structure, phonological variation.

Одна из основных черт русской лингвистической географии (по сравнению, например, с романской), поддерживаемая теорией диалектного языка Р.И. Аванесова, – составление карт аналитического типа, предполагающих предварительное выявление в материале противопоставлений для картографирова-

ния. Подобные карты составляют «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ), «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (АРНГ), «Лексический атлас Архангельской области», «Лексический атлас Московской области» и т.д. Составление аналитических карт преду-